
DOI: 10.31857/S023620070021606-3

©2023 И.В. РОДИН

НОВИЗНА И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ТЕСТИРОВАНИЯ: ВСПОМИНАЯ ПОЛЯ ВИРИЛЬО

Родин Игорь Владимирович — кандидат философских наук, научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 105066 Москва, ул. Старая Басманная, 21/4.

ORCID: 0000-0001-5578-9027

ntooloose@gmail.com

Аннотация. В данной статье мы прокомментируем ряд тезисов, выдвигаемых психологом Александром Поддьяковым в отношении психологии деятельности в условиях новизны и неопределенности и развития познавательных-исследовательских способностей. Сопоставляя тесты интеллекта, креативности и исследовательского поведения, Поддьяков рефлексирует на тему методологических побочных эффектов — сомнительной корреляции между ними, имманентной предвзятости авторов тестов, оксюморонности самой постановки вопроса («стандартный список творческих ответов»). Примечательной и достойной осмысления для нас предстает неопределенность позиции Поддьякова, которую мы и собираемся рассмотреть: признавая полезность тестирования интеллекта и креативности как такового, автор периодически натывается на «подводные камни» данного праксиса, в чем, несомненно,

---

Исследование выполнено в рамках проекта «Генеалогии “алгоритмической рациональности” в позднем СССР: от кибернетической утопии к информационному обществу» ИГИТИ им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ.

проявляется амбивалентность эпохи доведенного до уровня цивилизационного императива технопротезирования субъективности и культуры — эпохи, в которую все мы живем. Я буду ссылаться на статью Поддьякова «Практики тестирования чужого ума: от регламентированности к свободе» [Поддьяков, 2016] и нашу личную переписку¹. Целью предлагаемого развернутого комментария является расширение эпистемологического пространства дискурса, представленного Поддьяковым, в сторону вопросов философско-психоаналитического порядка и заострения внимания на моментах, рассматривающих субъективность в более широкой перспективе, чем та, что касается непосредственно практики тестирования. Надеемся, что представленные ниже размышления послужат вдохновляющим примером здоровой трансдисциплинарности, в рамках которой возможна дискуссия «второго порядка», осмысляющая не только сами «явления» посредством устоявшихся методологий, но и сами методологии. В этом нам поможет книга Поля Вирильо «Машина зрения» [Вирильо, 2004], в которой автор разворачивает проблематику реструктурирования субъекта на фоне технологизации зрительного контакта с миром.

Ключевые слова: тестирование креативности, тестирование интеллекта, технопротез, виртуальная реальность, субъективность, телесность, трансгуманизм.

Ссылка для цитирования: Родин И.В. Новизна и неопределенность тестирования: вспоминая Поля Вирильо // Человек. 2023. Т. 34, № 2. С. 52–67. DOI: 10.31857/S023620070021606-3

И.В. Родин
Новизна и неопределенность тестирования: вспоминая Поля Вирильо

Методологические тупики: зачем творчеству диагностика?

В качестве точки отсчета обозначим главный эпистемологический тупик, вытекающий из выдвигаемого Поддьяковым оптимистического, как он сам его представляет, тезиса. «[П]ри любых успехах тестирования, — пишет Поддьяков, — человечество всегда будет не вполне готово к определению своего творческого потенциала в силу его опережающего развития. Однако без средств диагностики будет готово принципиально меньше; они — новая и важная часть этого потенциала» [цит. по: Поддьяков, 2016: 71]. Сам формат тестирования, тенденциозным образом представленный в приведенном выше тезисе, воплощает в себе определенную

---

¹Переписка продолжила дискуссию, возникшую в рамках моего доклада «Злоключения субъективности по Норберту Винеру и Жаку Лакану». Ссылка на мероприятие: <https://igiti.hse.ru/algorithm/announcements/588908720.html>

живущего по законам, якобы обеспечивающим безопасность и жизнеспособность, — только в таких условиях тело-сознание и порождает новые решения. Новые решения требуют риска, который противоречит обычной логике жизни. Парадоксальным образом жизнь тяготеет к повторению, а не к новизне... тем самым тяготеет к смерти [Фрейд, 2006]. Любой же тест, если он претендует на то, чтобы активизировать творческую искру, на уровне герметичности условий его проведения противоречит метафизике творчества как проявлению жизненной силы. Это не значит, что такие тесты как «жанр» не имеют смысла, но если они и призваны хоть на каком-то уровне симулировать реальную ситуацию, при которой человека может постигнуть «эврика», и способствовать расширению интерпретативно-операциональных горизонтов субъекта, они должны быть: а) неудобными на уровне формы, б) ставки в них должны быть реалистично высоки. Такому требованию, например, в советское время отвечала «Зарница», стрессообразующим фактором которой являлись не только сами полевые условия, но и элемент «обязаловки». Однако ситуация (для урбанокапиталистического пространства вполне реальная), при которой ребенок дает выхлоп физическим импульсам в условиях «полной сохранности», является не «делом вкуса», но конституирует уже субъекта иного типа — субъекта, для которого телесность является не самодовлеющим, но «опциональным» фактором бытия. Именно этого самого «развоплощенного субъекта» [Подорога, 2022: 15–77] упускает из виду Поддьяков, принимая творческий потенциал за имманентную реальность ребенка и человека [Поддьяков, 2015]. Удовлетворение двух этих основополагающих принципов взращивания «архимедов» — «неудобства» и «драматичности» выбора — невозможно в рамках воспитательного диспозитива, конституирующего субъекта в ключе избегания травматичных ситуаций любой ценой. Психофизическое становление ребенка/подростка, при котором он оберегается от стрессовых ситуаций в рамках воспитательного процесса, совершенно девальвирует тесты, призванные симулировать реальные жизненные ситуации, ибо реальность субъекта — до банальности — должна совпадать с реальностью, разыгрываемой симулятором (игрушкой, тестом и т.д.).

Важно, однако, читать данную проблематику не на уровне локальных явлений, а на уровне реального цивилизационно-семантического фона, на котором разворачивается становление субъектов грядущей эпохи. Частью данного фона является все более буквализируемая либеральным капитализмом субъектно-объектная парадигма мышления, взламывающая неразрывность и многовекторность экзистенциального опыта посредством его

И.В. Родин
Новизна и неопределенность
тестирования:
вспоминающая
Поля Вирильо

смыслообразующей встречи с деревом или домом, является событием *взаимного* субъектно-объектного становления, а посему вообще не может быть рассматриваемо с точки зрения «философии созерцания». Подытожим: созерцание еще не есть встреча с объектом и с миром.

Формально китаист, а по факту важнейший философ нашего времени В. Малявин в статье «Роковая метафора» в редком для современности онтоэкзистенциалистском ключе рассматривает Западную культуру в качестве той, что «предполагает паноптическое понимание мира, в котором человеку отведено место одинокого и трагического наблюдателя мировой картины» [Малявин, 2021]. Под «роковой метафорой» Малявин подразумевает метафору зрения как метафизическую точку отсчета западного мироощущения, начиная с древних греков, от которых, напомним, Запад и ведет свое культурное и интеллектуальное летоисчисление.

Тот же аспект цивилизационного и, соответственно, сингулярного/субъективного смыслообразования подразумевает другой важнейший китаист-философ Б. Виногородский, настаивая на формулировке «темпорально-семантического поля» [Виногородский, 2021] и имея в виду тот факт, что смыслообразование, выкристаллизовывающееся в определенный понятийный аппарат, который, в свою очередь, становится уже активной, самодовлеющей силой в индивиде и форме его взаимодействия с миром, — смыслообразование это настолько же завязано на языке, как на условно закрытой системе знаков, насколько оно завязано на времени в плане вписанности человека (как носителя/генератора/потребителя смысла) в онтопоток событий и физических процессов (обстоятельств, старения и т.д.).

В этой связи многое проясняет «Машина зрения» П. Вирильо, вращающаяся вокруг метафизики взгляда в плане того, чем оказалось чревато *протезирование взгляда* для современного субъекта — субъекта последних полутора столетий, если вести условный отсчет от изобретения фотографии и кино. Подводя технопротезы, продуцирующие и проецирующие образы, под обобщающее понятие «телетопологий», Вирильо повествует о структурном водоразделе, преодоленном новым субъектом и знаменующем переход от (художественного) образа как следа прошлого (опыта) к образу, «который не сближает субъект и мир, но... предвосхищает человеческое движение, опережает любое перемещение тела в отмененном пространстве» [Вирильо, 2004: 16]. Из этого предвосхищения со временем исчезает сам опыт: изображение замещает объект, экран замещает мир и т.д. Ссылаясь на Мерло-Понти, Вирильо пишет: «Все, что я вижу, в принципе достижимо для меня (по крайней мере для моего взгляда), присутствует на карте “я могу”». [Все

И.В. Родин
Новизна и неопределенность
тестирования:
вспоминая
Поля Вирильо

проявлениях, в которой только и могут рождаться действительно революционные решения — ибо, создавая переломный момент в пользу порождающего его тела-сознания, они моментально себя оправдывают — то виртуальные игры являют собой совершенно иную фазу тотального развоплощения человека, форкклюзии, то есть *структурного* отказа от экзистенции и телесного опыта.

Возвращаясь к теме экспериментирования как такового, бросается в глаза несостыковка: учитывая, что основным поставщиком/потребителем «безопасных», оторванных от реальной жизни игрушек является городской субъект, следует пояснить, что речь идет о субъекте, чья многофункциональность упала в эпоху цифровизации и алгоритмизации сферы услуг в разы. Речь идет о субъекте, предельно зависимом от технологий и мастеров/поставщиков услуг, поскольку данный субъект подточен не на *преодоление*, необходимость коей порождается дефицитом решений, а на *потребление*, которое, в соответствии с капиталистической логикой, должно интенсифицировать производство и прибыль, а посему должно быть максимально беспрепятственным (комфортательным) и лишенным побочных эффектов (в форме выпадания из процесса потребления). Потребление подразумевает в том числе и потребление информации, однако (в до карикатурности гегелевском ключе) такой субъект лишь смотрит, как на экране рубятся или сажаются деревья и строятся дома. Симулякризация процесса созерцания в данном случае категорична в своей банальности: созерцается уже даже не объект, а тень объекта. Проще говоря, среднестатистический современный (городской) субъект — это субъект, не способный автономно функционировать в условиях новизны и неопределенности.

Иными словами, поворот культуры состоит в обратном, а именно в примитивизации функционирования человека и человеческого сознания и сужении спектра навыков до того минимума, который позволяет извлечь максимальную выгоду из действия. В рамках такого рода корпоративной логики изничтожается субъект широкого кругозора и глобального взгляда на процессы в пользу субъекта узкой специализации — норма, на которую склонны ориентироваться как образовательные институции, так и рынок труда во всех своих общих и частных проявлениях. Символическим апогеем данного процесса на Западе является книга К. Шваба «Четвертая промышленная революция» [Schwab, 2016], актуализирующая переход Запада к фазе претворения в жизнь трансгуманистической утопии, для чего в первую очередь должен был сформироваться определенного рода субъект — субъект, для которого протез уже стал «второй природой».

И.В. Родин
Новизна и неопределенность
тестирования:
вспоминаая
Поля Вирильо

в отнюдь не гипотетическом пределе играет конституирующую роль, то есть продуцирует и иной тип субъективности, а значит, и иной тип реальности. Иными словами, вопрос состоит не в том, как наладить отношения между двумя реальностями и минимизировать трение между ними, но в том, носителем какой реальности является тот или иной субъект/коллектив/цивилизация. Если функция языка и логика социальных связей постигаются субъектом через массовый кинематограф (в соответствии с логикой «монтажа» или пресловутого «клипового мышления») и проецируется вовне, значит, кинематографическая реальность и является «оригиналом» — фундаментом, на котором зиждутся телесные и межличностные рефлексии. Стремительное ускорение частоты смены кадров (которая сама по себе смягчает эффект нарративного, сугубо синтаксического саспенса) как смыслообразующий элемент имеет прямое отношение к минимизации порога терпимости и терпеливости либерально-капиталистического субъекта.

Постулируя, что «модель всегда немного неправдоподобна», Поддьяков впадает в лукавый идеализм³, подразумевая, что возможно «не забыть скомпенсировать... особенность моделей возможностью взаимодействия человека с реальной (а не с имитированной) реальностью, возможностью “серендипного” столкновения с ранее неизвестными законами, явлениями, эффектами, которые трудно или невозможно вывести из известных моделей» [цит. по: личная переписка]. Для того чтобы что-либо «не забыть», его надо для начала прожить и приобрести в качестве знания и памяти. Однако, если костяком памяти являются те самые модели, встреча с «ожившей» их версией чревата для субъекта задействованием защитных реакций, общая суть коих заключается в защите «оригинала» от «самозванца», претендующего на то, чтобы переформулировать всю суть ассоциирующегося с ним явления⁴. Читаем Вирильо: «Согласно Аристотелю, не существует науки случайности, однако, встречаясь с превратностями пути, корабль открывает иное могущество, могущество неисследованного, силу в бессилии технического знания, поэтику блуждания и неожиданности,

И.В. Родин
Новизна и неопределенность
тестирования:
вспоминаая
Поля Вирильо

³ В личной переписке Поддьяков с этим соглашается. Однако для нас данный факт является не поводом для того, чтобы девальвировать его мысли, а доказательством мучительного для человека уходящей эпохи процесса осмысления реальности, частью которой он уже не является или является лишь отчасти.

⁴ В данном контексте вспоминается доклад одной американской аспирантки, который я наблюдал в рамках конференции в Университете Куинс в Кингстоне (Канада). Тривиальным для экранной культуры образом девушка рассказывала о новом палеонтологическом парке в США с механизированными моделями динозавров, которые позволяют детям *по-настоящему* с ними встретиться и их испугаться.

в котором воплощался бы рекламный посыл, стремящийся обрести с помощью наших взглядов тот смысловой объем, которого ему катастрофически не хватает» [Вирильо, 2004: 112]. Поясним: фатический образ выполняет не миметическую функцию, но функцию клише со всей его суггестивностью. Именно ее тщится затушевать «воля к правдоподобности», претворяемая в трехмерных виртуальных объектах и моделях. «[С]интетический образ...», по Вирильо, «представляет собой не более чем “статистическое изображение”» [там же: 137]. В качестве такой идеальной срединной точки, лишенной в своей срединности специфической фактуры, присущей любой конкретности, выступают современные голливудские актеры, отбросившие все обыденное, что делает человека человеком, — по сути, профессиональные спортсмены и стереотипные, архетипические — в том искаженном смысле, в котором Америка понимает архетипичность, — фигуры, чьи «человеческие, слишком человеческие» недостатки компенсируются, в свою очередь, работой каскадеров и, разумеется, компьютерной графикой. Иными словами, вся работа киноиндустрии, методология производства образов направлены на то, чтобы антропоморфное существо, предстающее на экране, напоминало человека лишь до той степени, которая позволяет опознать в нем себя. Зазор, в котором происходит данная идентификаторная зеркальная сшивка, постоянно сужается и проходит проверку на прочность человеческого самоотречения, апогеем чего являются «фильмы» кинокомпании Marvel Studios, в которых разница между аналоговым и синтетическим/нарисованным кинообразом уже стремится к нулю. И таковой эта разница предстает в первую очередь для потребителей подобного кинематографа.

Дихотомия новизны и экзистенции

На фоне всего сказанного выше возникает вопрос, касающийся самой концепции новизны, репродуцируемой (Западом/капитализмом) в неизбежно очаровывающем ключе. О какого рода новизне идет речь? Чем оборачивается процесс становления культуры, если новизна, обусловленная лабораторным, виртуальным опытом и взаимодействием с синтетическими двумерными объектами замещает, вытесняет необходимую для здорового развития индивида новизну экзистенциального опыта в физической реальности, ибо для каждого человека в процессе его личного становления постепенно разворачивающаяся перед ним физическая реальность является реальностью новой, реальностью с открытым концом? Данная оговорка напрямую связана с тем, что вообще

И.В. Родин
Новизна и неопределенность
тестирования:
вспоминая
Поля Вирильо

классической кибернетики, можно «исправить», «переформатировать» систему субъективности [Винер, 1968]. В такой ситуации речь идет о совершенно ином субъекте — о субъекте, для которого технопротез уже не является маклюэновским расширением тела [Маклюэн, 2018], но его заменой, на что и указывает Вирильо в «Машине зрения»: фаза симулякров и симуляции, по Вирильо, преодолена в пользу новой, параллельной реальности. Тело в ней выступает в качестве балласта, рудиментарные аффективно-импульсные всплески которого гасятся либерально-капиталистической машиной подавления физической активности и естественного отбора в процессе физического и культурного становления (а также фармакологическим монополистическим императивом в отношении «решения корпорального вопроса»).

Ключевым для нас, однако, является то, что неспособность Поддьякова узреть эту самую параллельную реальность и признать существование структурно иного субъекта, говорит отнюдь не о его непроницаемости, а о том, что он находится по ту сторону баррикад, где человек еще остается человеком — несовершенным, борющимся с различными своими проявлениями (читай, с самим собой) в угоду социализации, в рамках которой индивид оказывается по ту сторону собственного тела и (тела) другого. Выбирая между такого рода индивидом, свободным от бремени себя и другого, и Поддьяковым — плохим философом, но живым человеком — мы выбираем последнего.

И.В. Родин
Новизна и неопределенность
тестирования:
вспоминая
Поля Вирильо

Novelty and Ambiguity of Testing: Remembering Paul Virilio

Igor V. Rodin

PhD, scholar at Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities.

HSE University.

21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow 105066, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-5578-9027

ntooloose@gmail.com

Abstract. In this paper I will comment on a few theses of a psychologist Alexander Poddiakov regarding the psychology of acting in new and ambiguous circumstances, as well as that of developing cognitive research abilities. While comparing intelligence, creativity and research abilities testing, Poddiakov reflects upon methodological side effects, namely, doubtful correlation between them, immanent bias on the side of tests' creators, oxymoronic way to present those tests as a "standard list of creative answers". Notable and worth our reflection is the uncertainty of Poddiakov's point of view which we intend to scrutinize: while acknowledging the value of intelligence and creativity testing as such, the author

- McLuhan H.M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man], transl. from Eng. by V.G. Nikolaev; afterw. by M.K. Vavilov. Moscow: Zhukovskiy; Kanon-Press-Its; Kuchkovo Pole Publ., 2018.
- Малявин В. Роковая метафора, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sredotochie.ru/rokovaya-metafora/> (дата обращения: 10.06.2022).
- Malyavin V. Rokovaya metafora [A fatal metaphor]. 2021 [Electronic resource]. URL: <https://sredotochie.ru/rokovaya-metafora/> (date of access: 10.06.2022).
- Ницше Ф.В. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / пер. с нем. А.В. Михайлова; сост., общ. ред. и вступ. ст. А.А. Россиуса. М.: Ad Marginem, 2001. С. 47–215.
- Nietzsche F.W. Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimizm [Die Geburt der Tragödie], transl. from Germ. by A.V. Mikhaylov, comp., ed. and forew. by A.A. Rossius. Moscow: Ad Marginem Publ., 2001. P. 47–215.
- Поддьяков А.Н. Трудно быть человеком // hse.ru 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://social.hse.ru/psy/news/152138136.html>
- Poddiakov A.N. Trudno byt' chelovekom [It's hard to be human]. hse.ru 2015 [Electronic resource]. URL: <https://social.hse.ru/psy/news/152138136.html>
- Поддьяков А.Н. Практики тестирования чужого ума: от регламентированности к свободе // Образовательная политика. 2016. № 2(72). С. 71–94.
- Poddiakov A.N. Praktiki testirovaniya chuzhogo uma: ot reglamentirovannosti k svobode [Mind Testing Practices: from regulation to freedom]. *Obrazovatel'naya politika*. 2016. N. 2(72). P. 71–94.
- Поддьяков А.Н. Правдоподобие и неправдоподобие виртуальной реальности // cyberpsy.ru 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberpsy.ru/articles/unreal_virtuality/
- Poddiakov A.N. Pravdopodobie i nepravdopodobie virtual'noy real'nosti [Plausibility and improbability of virtual reality]. cyberpsy.ru 2017 [Electronic resource]. URL: https://cyberpsy.ru/articles/unreal_virtuality/
- Подорога В.А. Время чтения. М.: Канон+, 2022. С. 15–77.
- Podoroga V.A. Vremya chteniya [Reading time]. Moscow: Kanon+ Publ., 2022. P. 15–77.
- Рыков А.В. Политика авангарда. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Rykov A.V. Politika Avangarda [The Politics of Modernism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019.
- Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / пер. с нем. А.М. Боковикова // Собрание сочинений Зигмунда Фрейда: в 10 т. / ред. А.М. Боковикова и С.И. Дубинской. Т. 3. М.: Фирма СТД, 2006. С. 227–289.
- Freud S. Po tu storonu printsipa udovol'stviya [Jenseits des Lustprinzips], transl. from Germ. by A.M. Bokovikov. *Sobranie sochineniy Zigmunda Freyda: v 10 t.* [Works: in 10 vol.], ed. by A.M. Bokovikov and S.I. Dubinskaya. Vol. 3. Moscow: Firma STD Publ., 2006. P. 227–289.
- Nancy J.-L. The Ground of the Image: transl. from Fr. by J. Fort. New York: Fordham University Press, 2005.
- Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. New York: Crown Business, 2016.

И.В. Родин
Новизна и нео-
пределенность
тестирования:
вспоминая
Поля Вирильо